

РЕЛИГИОЗНАЯ СУДЬБА Н. ГОТОРНА: МЕЖДУ ДОГМАТОМ И ЧУВСТВОМ

А. В. АКСЕНОВ

В статье делается попытка на основании дневниковых записей Н. Готорна и других источников охарактеризовать мировоззрение писателя, что может способствовать более глубокому восприятию его художественного наследия. В результате анализа источников автор приходит к выводу, что мировосприятие Готорна было религиозным, и религиозность эта в целом лежит в русле традиционного христианства. Но Готорн не принадлежал к религиозной общине, поэтому его вера имеет скорее эмоционально-интуитивный характер, нежели догматический и институциональный. Это создает напряжение в жизни и творчестве Готорна между верой в минимальный набор догматических истин и романтической сакрализацией человеческих чувств, обожествлением внутреннего мира человека.

Натаниель Готорн (1804–1864) принадлежит к числу писателей, художественное наследие которых столь насыщено религиозно-философской проблематикой (ср. Лев Толстой, Достоевский), что побуждает исследователей обращаться к биографии, письмам и публицистике этих авторов с целью уяснения системы взглядов, питающей их творчество. Но если упомянутые русские писатели оставили обширный корпус философской публицистики, в которой излагается, в «чем их вера», — Готорн на протяжении всей жизни сознательно воздерживался от публичных дискуссий на отвлеченные темы. По его мысли из предисловия к очерку «Наша старая родина» (1863), истину можно полнее выразить в художественной форме, нежели в публицистике¹. Как отмечала супруга Готорна София, даже в записных книжках «мистер Готорн не утверждает идеи и мнения, но лишь обсуждает их. Он вопрошает, сомневается и размышляет с пером в руках, как бы назидая самого себя» (EN, 7, 413).

Вследствие этой недосказанности, исследователям творчества Готорна приходится самим реконструировать его мировоззрение, причем различные авторы определяют Готорна по-разному: как правоверного христианина, пуританина, трансценденталиста, наследника Просвещения, даже как материалиста². Дело

¹ *Hawthorne N. Our Old Home and English Note-Books // The Works of Nathaniel Hawthorne, in 15 volumes. Vol. 7, 1855. P. 15–16.* В дальнейшем все цитаты из «Английских записных книжек» Готорна и его очерка «Наша старая родина» приводятся по этому изданию с указанием в скобках после цитаты аббревиатуры «EN», номера тома и номера страницы. Здесь и далее (кроме оговоренных случаев) перевод цитат принадлежит автору настоящей статьи.

² См.: *Waggoner Hyatt H. Art and Belief // Hawthorne Centenary Essays / Ed. By Roy Harvey Pearce. Ohio, 1964. P. 172.*

здесь не только в предубеждениях самих ученых: нечто в Готорне и его наследии поощряет такой разброс мнений. Эти разногласия провоцируют дальнейшие попытки разобраться в характере мировоззрения Готорна.

С этой целью мы обратимся к его дневниковым записям. Записные книжки Готорна содержат наблюдения, впечатления, краткие наброски сюжетов и замыслов. Анализируя этот материал из «мастерской писателя», мы последовательно коснемся вопросов онтологии, антропологии и гносеологии. Во второй части статьи мы рассмотрим степень участия писателя в жизни религиозной общины.

Во многих дневниковых записях Готорна находит выражение религиозное мировосприятие, поэтому перед исследователем стоит задача определить характер этой религиозности. Рассмотрим несколько примеров. В сентябре 1843 г. Готорн пишет: «Я выглядываю в окно и думаю: “Что за прекрасный день! Как чудесен мир! И как благ Бог!” Такой день — залог блаженной вечности. Творец никогда не создал бы такого дня и не наделил бы нас сердцами, способными глубоко наслаждаться им, если бы не предназначил нас к бессмертию. Здесь отверзаются врата небес, и нам позволено заглянуть в их глубины»³. Характерно, что Готорн утверждает здесь религиозную истину (бессмертие души, возможность загробного блаженства) через созерцание видимого мира и рассуждение.

Еще примеры такого рода. Наблюдая своего маленького сына, Готорн замечает: «Он воистину счастливая маленькая душа, и, глядя на него, я все больше склоняюсь к мысли, что род человеческий был сотворен не в минуту горечи и не для несчастий, но из бесконечной благодати и для вечного блаженства» (AN, 422). Готорн стоит у окна в комнате своей умирающей матери и слышит голоса и смех играющих на улице детей. «Сквозь щель в портьере я увидел свою красивую золотокудрую Уну, такую подвижную и живую, что она казалась олицетворением самой жизни. Потом я перевел взгляд на мою бедную умирающую мать, и казалось, я вижу всю человеческую жизнь, находясь в самой ее середине. О, если жизнь ограничивается тем, что я вижу, — какая все это насмешка, даже если промежуток между ранним детством и смертным порогом до предела заполнен счастьем! Но Бог не сделал бы завершение нашей жизни таким мрачным и жалким, если бы за ним не следовало нечто большее, ибо иначе не Бог, но демон создал нас и отмерил наше существование. Быть вырванным из жизни в полное небытие таким жалким образом — это более, чем несправедливость, — это оскорбление. Так в самой горечи смерти я почерпнул сладостное уверение в лучшей загробной участи» (AN, 429). Атеизм и связанная с ним мысль о полном уничтожении человеческой личности вызывает отторжение Готорна «хотя бы ради самих атеистов». Об одной такой даме он пишет: «Как! Только несколькими сорнякам расти из ее смертного состава, вместо того, чтобы ее разуму и чувствам цвести и плодоносить вечно!» (EN, 8, 518).

³ *Hawthorne N. The American Notebooks / Ed. Claude M. Simpson. The Centenary Edition. Ohio, 1972. P. 393.* В дальнейшем все цитаты из «Американских записных книжек» Готорна приводятся по этому изданию с указанием в скобках после цитаты аббревиатуры «AN» и номера страницы.

Эти примеры позволяют предположить, что вера Готорна имеет не догматический, а экзистенциальный характер. Необходимым подтверждением христианских догм служит их эмоциональное переживание. Истина заключена в сердце и мимолетом открывается в символах, в состоянии «пассивной чуткости» между сном и явью, в воображении, интуициях, в восприятии природных явлений, в полноте личного опыта. В основе «богословия» Готорна лежит не истина догматов, но опыт сердца, от которого происходит движение к запредельному.

Из приведенных отрывков (и множества других аналогичных высказываний)⁴ можно сделать вывод о вере Готорна в благого Творца и в бессмертие души — верования довольно общие, но живые, подтвержденные сердечным переживанием.

Существование невидимого мира также было очевидным для Готорна. И опять он находил аналогию в мире видимом: «Деревья, отражающиеся в воде. Они и не подозревают о существовании духовного мира, который к ним так близок. Мы тоже» (AN, 251).

Рассмотрим представления Готорна о человеке. С аллюзией на апостольское послание он пишет: «Человек есть глиняный сосуд, носящий дух» (AN, 236)⁵. В русле той же христианской традиции Готорн утверждает ценность каждого индивида: «Каждый человек имеет свое место в мире и по-своему значителен, даже если он уклоняется от своего предназначения» (AN, 20). Основа этой значимости — духовная природа человека: «Даже у человека, который на первый взгляд кажется олицетворением полной бездуховности, глубоко в груди может таиться способность отражать надмирную беспредельность, а значит, и [способность приобщиться ей]. Утешительно думать, что в самой жалкой, самой мутной луже можно найти отражение небесных высей. Вспомним об этом, когда захотим кому-то отказать в духовной жизни, ибо Отец наш, быть может, и в нем прозревает образ своего Лица. У нашей вполне заурядной речки есть своя глубокая религиозная мысль; так будем верить, что есть она и в самой заурядной человеческой душе, хотя она, наверное, этого не сознает» (AN, 321)⁶.

При этом очень значимым для Готорна было переживание греховной поврежденности человека, что отмечал в своей статье еще Г. Мелвилл. По мнению Мелвилла, «великая мрачность», присущая некоторым новеллам Готорна, «обретает свою действенность благодаря близости ее к свойственному кальвинизму ощущению врожденной греховности, первородного греха»⁷. Мелвилл утверждает

⁴ Ср., например: «Сам Бог не сможет ничем воздать нам, если мы рождаемся на срок меньший, чем вечность. Все здешние страдания составляют требование другой жизни, а еще более — *все здешнее счастье*. Ибо истинное счастье содержит нечто большее, чем может дать земля, и нуждается для своего переживания в больших возможностях, чем даровано смертным» (EN, 7, 555, курсив Готорна).

⁵ Ср. 2 Кор. 4. 7.

⁶ Перевод приводится по изданию: *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1982. С. 460–461. В дальнейшем все цитаты из этого издания сопровождаются ссылкой в круглых скобках после цитаты, содержащих слово «Избранное...» и номера страницы.

⁷ *Мелвилл Г.* Готорн и его «Мхи Старой усадьбы» // Эстетика американского романтизма / Сост. А. Н. Николокин. М., 1977. С. 382.

ет, что «этот мрачный загадочный образ» греха «владеет [Готорном] полностью и безраздельно»⁸. Происхождение этой темы у Готорна, помимо пуританского идейного наследия, Мелвилл выводит из интуитивного ощущения первородного греха, от которого, по словам Мелвилла, «в какой бы форме оно ни возникало, не может полностью и навсегда избавиться ни один глубоко задумывающийся человек. Ибо случаются настроения, когда невозможно взвесить в уме этот мир и не испытать потребности как-то смягчить неравный итог, бросив на другую чашу весов нечто так или иначе сходное с первородным грехом»⁹.

Действительно, Готорн приходит к понятию первородного греха прежде всего эмпирически, благодаря наблюдению и размышлению. Вот некоторые из таких размышлений и замыслов. «Примечательно, что человек, когда превращается в зверя, есть самый низменный и отвратительный из всех зверей» (AN, 21); «В каждом человеческом сердце таится зло, которое может оставаться скрытым в течение всей жизни, если его не пробудят обстоятельства. Вообразить такие обстоятельства» (AN, 29); «Недуги души и ума встречаются гораздо чаще, чем телесные болезни» (AN, 30); «По всему миру достаточно пыли и грязи, которая, можно предположить, символически представляет ту отвратительную коросту, которая начала покрывать и омрачать все земное с тех пор, как Ева вкусила от яблока. С того злополучного момента ее дочери преимущественно занимаются отчаянными и безуспешными попытками отмыть все от этой грязи» (EN, 7, 326); «Трудно поверить и постичь, какая глупость таится в сердцах очень здравомыслящих людей, пока это не открывается нам в силу обстоятельств. Памятуя об этих странностях, я и сам не удивлюсь, если обнаружу в себе неожиданную нелепость, которая может оказаться самой существенной чертой моего характера» (EN, 7, 34–35). По мысли Готорна, в жизни даже великих людей присутствует столько низменного, что в интересах человечества — не пытаться досконально исследовать жизнь своих героев (EN, 7, 124–125). Даже благородное происхождение и связанные с ним утонченные условия жизни не могут возвысить аристократию над остальным человечеством и приблизить ее к добродетели (EN, 7, 212). Поэтому «...как поверхностны преимущества тех, кто смотрит на других свысока! Если не очистится весь мир, никто из нас не будет чист» (EN, 7, 351).

Грех искажает всю жизнь человека и общества, отношения между людьми. Так, вследствие греха человек утратил устремленность к духовному миру: «Мысли людей обычно не поднимаются выше кровель их домов. Все их интересы простираются над поверхностью земли слоем именно такой толщины. Шпиль молельного дома выходит за пределы их сферы» (AN, 24). Привязанный к земле человек стремится к ложным ценностям. Готорн задумывает изобразить «Аукцион (может быть, на Ярмарке Суэты) должностей, почестей и всякой всячины, которую ценит человечество, одновременно с вечными ценностями, которые большинство людей сочтут негодным мусором» (AN, 238). Вся жизнь людей часто расходуется на достижение призрачных целей: «Человек готов переносить большие трудности и неприятности ради очень отдаленных целей (богатство, слава), но и пальцем не шевельнет ради того, что, может быть, совсем близко —

⁸ Мелвилл. Указ. соч. С. 382.

⁹ Там же.

небесное блаженство» (АН, 166)¹⁰. Возникает «...сообщество людей, которым не на что надеяться на земле, но которые не ожидают ничего и за гробом!» (АН, 167). Оказаться в раю таким людям было бы неприятно и мучительно: Готорн задумывает «изобразить затруднительное положение, в котором окажутся светские люди, попав в рай» (АН, 18)¹¹.

Грех исказил отношения людей друг к другу. Готорн задумывает «рассказ, показывающий, как мы все наносим друг другу обиды и мстим друг за друга» (АН, 167). В результате греха человек утратил цельность: «отделение ума от сердца» при культивировании этого состояния становится, по Готорну, «непростибельным грехом»¹². Грех для Готорна — не социально-психологическое, а онтологическое явление, действующее независимо от внешних факторов: «проследить роль ужасного и безобразного преступления в распаде и разрушении изначально благородной и возвышенной личности, причем только один виновный знает о преступлении» (АН, 227). В этой записи 1842 г. отражен замысел романа «Алая буква» (1850), судьба Артура Димсдейла.

В результате греха внешнее в человеке перестало соответствовать внутреннему, воцарилось лицемерие. Готорн фиксирует такой замысел: «Обводя взглядом своих прихожан, всех, чьи тайные грехи ему известны, духовник размышляет о человеческой природе и несоответствии наружности внутренней сущности людей» (АН, 235)¹³. Другой замысел на ту же тему — «аллегорически изобразить жизнь в виде маскарада, а род людской — как скопище масок. Порой лишь кое-где промелькнет живое лицо» (АН, 240)¹⁴.

Порождениями греховного состояния человека являются также несчастья, болезни, смерть. У Готорна есть замысел «ввести новую классификацию общества: вместо «богатых и бедных, знатных и простолюдинов» делить людей по их несчастьям, болезням, грехам, так как никто не свободен от них. А если бы кто-нибудь и смог от них уберечься, «смерть — наша общая Мать — явится и увлечет всех без разбора в одни и те же мрачные врата» (АН, 23)¹⁵. Поэтому, по мнению Готорна, «на земле нет места, где можно построить Обитель Счастья, ибо нет такого уголка, который не был бы омрачен человеческим горем, запятнан преступлением или освящен смертью» (АН, 25)¹⁶.

¹⁰ Из «Записных книжек» Готорна приведем еще две аллегории жизни, потраченной впустую: «Молодой человек находит несколько костей из скелета мамонта, постепенно увлекается мыслью собрать его полностью, рыскает по всему свету в поисках недостающих частей, затрачивает на эти поиски всю молодость и зрелые годы, а в старости понимает, что этот скелет — единственное оправдание всей его жизни» (Избранное... С. 447–448); «Изобразить человека, который проводит жизнь в тяжких трудах, тщась изготовить какую-либо механическую безделушку — например, крошечную карету с упряжкой из блох или обеденный сервиз, который умещается в вишневой косточке» (Избранное... С. 437). Это — образы человеческой жизни, в которой полностью отсутствует духовное измерение и содержание.

¹¹ Отметим, что этот замысел воплотил век спустя К. С. Льюис в «Расторжении брака» (1945).

¹² Готорн. Избранное... Т. 2. С. 453–454.

¹³ Там же. С. 446.

¹⁴ Там же. С. 447.

¹⁵ Там же. С. 426.

¹⁶ Там же. С. 428.

Готорну свойственно переживание мимолетности, быстротечности, прозрачности земной жизни. Так, подробно описав в дневнике сценки из жизни своих малолетних детей в течение дня, Готорн заключает: «Так закончился день этих детей, одному из которых скоро исполнится два, другой — четыре года. Но дни и годы тают так быстро, что мне даже трудно понять, кто передо мной — дети на коленях своих родителей, или уже юноша и девушка, мужчина и женщина. Здешняя жизнь вряд ли может служить образом вечности, слишком она для этого неосвязаема и неуловима. Скорее, это только образ образа. Будущее слишком быстро превращается в настоящее; настоящее, прежде чем мы его ощутим, уже оглядывается на нас как прошлое. Будем надеяться, что наше следующее состояние будет более реальным, то есть будет отстоять от реальности лишь на один шаг. Пока что мы пребываем в тени, отбрасываемой Временем, которое само — тень, отбрасываемая Вечностью» (AN, 406–407).

Особое место в наследии Готорна занимает тема смерти. Она присутствует во всех его произведениях и часто встречается в записных книжках. Готорн воспринимает смерть как возвращение домой (EN, 7, 156), как благо, поскольку ею прерывается скорбное земное существование и открывается путь к высшему вечному бытию. Смерть — необходимая составляющая мироустройства, имеющая свой смысл. «Интересно представить, какой поднялся бы ропот и недовольство, если бы упразднилось хотя бы одно из великих бедствий человечества, например смерть» (AN, 23).

Для Готорна земная жизнь не представляет собой полноценного, истинного бытия. Поэтому он с недоумением относится к тем, кто боится смерти. «В прошлую среду Г-н N венчался с мисс D. Вчера г. Брэйзер упомянул в проповеди комету и заметил, что, по-видимому, никто из его слушателей уже не увидит ее вторичное появление. Г-жа N всплакнула. Бедняжка! Она согласилась бы пребывать в земной любви всю вечность!» Сходные размышления о смерти присутствуют и в художественной прозе Готорна: новеллах «Собрание знатока», «Торговец яблоками», а также в незаконченном позднем романе «Септимиус Фелтон», который весь посвящен теме смерти и бессмертия и развивает тезис рассказа «Собрание знатока» (AN, 14)¹⁷. Готорну было свойственно обостренное переживание конечности бытия. Он пытался представить «человека, осознающего, что скоро умрет, настроение, с которым он в последний раз смотрит на знакомые лица и вещи» (AN, 165).

В «антропологии» Готорна очень существенно понятие «сердца» как средоточия духовной сущности человека, что характерно для библейской духовной традиции. Своей невесте он пишет: «Мы ведь только тени, не наделенные действительной жизнью, и все, что в нас кажется самым реальным, есть лишь тончайшая субстанция сна, — пока не затронута сердце. Это прикосновение создает

¹⁷ Герой этого рассказа отвергает чашу с эликсиром жизни, рассуждая так: «Смерть — тот истинный друг, которому в свое время даже счастливейший человек с отрадой раскроет объятия... Нет, я не хочу земного бессмертия... Слишком долгая жизнь на земле духовно мертвит. Искра высшего огня гаснет в материальном, чувственном мире. В нас есть частица небес, и в урочный срок надо вернуть ее небесной отчизне, иначе она сгниет и сгинет» (перевод по: *Готорн Н.* Чертог фантазии. Новеллы. М.: Текст, 1998. С. 30).

нас, — лишь тогда мы начинаем действительно существовать и способны наследовать вечность»¹⁸. «Сердце» обуславливает историческую преемственность в жизни человечества. «Если бы люди состояли только из интеллекта, человечество непрестанно бы изменялось, так что одна эпоха была бы совершенно непохожа на другую. Сердце — великий консерватор, оно неизменно во все века, и потому прописные истины тысячелетней давности не теряют своей значимости сегодня» (EN, 7, 478)¹⁹.

В своей трактовке понятия «сердца» Готорну удается избежать той односторонней мрачности в представлении о человеческой природе, которую ему иногда приписывают. В «Записных книжках» имеется и такой замысел: «Аллегорически изобразить человеческое Сердце в виде пещеры. У входа сияет солнце, растут цветы, но вот вы оказываетесь внутри, делаете несколько шагов и погружаетесь в беспросветный мрак. Вас обступают всевозможные чудовища, вам кажется, что вы попали в Ад. В безнадежном смятении вы еще долго блуждаете по темным закоулкам, и вдруг впереди вспыхивает свет. Вы бросаетесь туда и видите такое же солнечное сияние и такие же цветы, как у входа, но только много прекраснее. Это ясные и мирные глубины сердца и человеческой природы. Мрак и ужас могут таиться глубоко, но еще глубже вечная красота» (AN, 237)²⁰. Прозрение этой глубинной «вечной красоты» — неотчуждаемого образа Божия в человеке — есть собственная интуиция Готорна, ибо наиболее известное ему богословие кальвинизма с его учением о всецелой поврежденности человеческой природы не дает оснований для такого умозрения.

Хотя Готорна часто определяют как художника сумрачного, как человеку ему было свойственно светлое восприятие жизни²¹. Оно проистекает из его пережи-

¹⁸ *Hawthorne N. The Letters, 1813–1843 / Ed. Woodson T. et al. The Centenary Edition of the Works of Nathaniel Hawthorne. Vol. 15. Ohio State University Press, 1984. P. 494.* Письмо Софии Пибоди от 4 октября 1840 г. Здесь и далее цитаты из писем приводятся по этому изданию с указанием в скобках слова «Letters» и номера страницы.

¹⁹ Интересно, что в русле этой же логики Готорн трактует разницу между политическим строем Великобритании и США — монархией и президентской республикой. Наблюдая, как почтенные англичане на светском приеме с воодушевлением поют «Боже, храни Королеву!», он замечает: «В первый раз в жизни я увидел общность людей, да и вообще человека, охваченного чувством Преданности. Ибо, хотя мы и считаем себя преданными нашей стране и ее учреждениям и доказываем это готовностью проливать за нее кровь и жертвовать жизнью, все же этот принцип холоден и жесток в американской груди, как стальная пружина, приводящая в действие мощный механизм. В английской системе сила, подобная нашей стальной пружине, вырабатывается теплым трепетом человеческих сердец. Англичанин облакает нашу голую отвлеченность в плоть и кровь — в наше время в плоть и кровь женщины, — и ему удается сочетать в одном чувстве любовь, благоговение и почтение. Он воплощает свою мать, жену, своих детей, саму идею своего рода в одном человеке, и делает его представителем своей страны и ее законов. Мы, американцы, высокомерно улыбаемся (как улыбался и я на приеме у мэра), и все же, я думаю, лишаемся очень благотворного сердечного движения вследствие нашей гордой привилегии любить нашего президента не больше, чем соломенное чучело или пугало, торчащее на кукурузном поле» (EN, 7, 380).

²⁰ Избранное... С. 446–447.

²¹ Супруга Готорна София подчеркивала, что расхожее представление о Готорне как человеке мрачном и угрюмом не соответствует действительности. В предисловии к издаваемым ею записным книжкам Готорна она писала: «Его отличала задумчивость и серьезность, неиз-

вания явлений природы, а в конечном счете — из религиозного мировоззрения. Вот несколько наблюдений. «Чтобы нагнать на нас печаль, тучам нужно долго нависать над нами, но достаточно и одного солнечного луча, чтобы развеселить пейзаж. Это доказывает, что вся мрачность — лишь сон и тень, а радость есть истинная реальность» (AN, 351). «Солнечный зайчик, путешествующий по темнице узника. Можно думать, что он послан с небес, чтобы живить и веселить его душу. И в самых тяжелых обстоятельствах всегда есть нечто сродное этому лучу: райские цветы в сумрачной комнате бедной городской девушки, дитя с улыбкой ангела. Бог никогда не оставляет нас на земле без зримых примет неба, при верном отношении к которым исчезает земная тьма и невзгоды, и все становится небом» (AN, 236–237).

Как видим, свое светлое восприятие мира Готорн выражает в традиционных религиозных терминах (*Heaven*, “Небеса”, *Paradise*, “Рай”, *cherub*, “ангел”, *God*, “Бог”). Готорну был чужд оптимизм современных ему прогрессистов-реформаторов, веривших в возможность идеального устройства общественной жизни. Свойственное реформаторам восприятие мира как простого механизма, требующего починки, казалось Готорну близоруким, даже безумным. В «Записных книжках» содержится следующий сатирический замысел: «Набросать портрет современного реформатора... Он бродит по улицам, разглагольствует, и за ним уже готово последовать немало новообращенных, как вдруг его труды прерываются появлением зрителя сумасшедшего дома, откуда он сбежал» (AN, 10)²².

Чуждой осталась Готорну и оптимистическая философия трансцендентализма, хотя он тесно общался с Эмерсоном, живя с ним по соседству в Конкорде. По его собственным словам, ему нечего было позаимствовать у Эмерсона как философа, которого он назвал «вечным отрицателем всего сущего и искателем сам не знает чего» (AN, 357)²³. Известна сатира Готорна на трансцендентализм в новелле «Железнодорожный путь в Небеса» (1843). Трансценденталист здесь представлен в виде нескладного великана. Он изъясняется на непонятном языке, потчует путников «дымом, туманом и лунным светом», а свойств и вида его никто не в силах описать, включая его самого²⁴.

В приведенных выше отрывках Готорн предстает как человек религиозный, причем религиозность эта довольно традиционна. На уровне онтологии Готорн исповедует благого Творца, бессмертие души и существование невидимого мира. Представление Готорна о человеке проистекает, с одной стороны, из признания его неотчуждаемой духовной природы, а с другой — из принятия и глубокого переживания важнейшего постулата христианской антропологии — учения о греховной поврежденности человека. Готорн отмечает последствия грехопаде-

бежные у человека, наделенного “ужасающей пронизательностью”, как выразился один из друзей. Но он всегда пребывал в веселом и ровном расположении духа, был здравомыслящим человеком, а яркий блеск его остроумия веселил всех в доме. Он смотрел слишком далеко вперед, чтобы унывать...» (EN, 7, 412–413).

²² Избранное... С. 422.

²³ Ср. другое высказывание такого рода: «Г-н Эмерсон очень любит факты, но с его подачи факты как бы испаряются, начинают казаться несущественными» (AN, 336).

²⁴ См.: *Готорн*. Чертог фантазии. Новеллы. С. 98.

ния в суетности человеческих стремлений и в неизбежных в земной жизни несчастьях, болезнях, смерти. В русле библейской традиции Готорн рассматривает сердце как средоточие духовной сущности человека и конечный источник добра и зла в мире. Готорну свойственно переживание мимолетности земной жизни и одновременно светлое ее восприятие. Все это позволяет узнать в Готорне религиозного традиционалиста.

Но при всем неприятии Готорном новейших духовных суррогатов, при очевидной близости его к традиционному христианству, в жизни своей он не смог выразить эту близость в обычных формах принадлежности к определенному религиозному сообществу. Во второй части статьи мы попытаемся рассмотреть религиозно-психологические особенности такого положения писателя, в частности «экзистенциальный» характер его гносеологии, основанной на интуиции.

Всю сознательную жизнь Готорн не ходил в церковь. Пуританский молельный дом он назвал «замороженным чистилищем» своего детства (EN, 7, 83) и хранил о нем «суровые и сумрачные воспоминания». Он никогда не сопровождал жену в церковь и не присоединялся к друзьям-богомольцам (AN, 358). О себе он писал, что любит Воскресный день, хотя и проводит его по-разному (там же).

Об одном из способов соблюдения Готорном святого дня может дать представление очерк «Воскресный день дома» («Sunday at Home», 1837). Из-за занавески окна, выходящего на молитвенный дом, повествователь рассматривает церковное здание и идущих на богослужение людей, предаваясь неспешным размышлениям и игре воображения. Он не присоединяется к молящимся, хотя очевидна его эмоциональная причастность к тому, что происходит в храме, а также чувство одиночества и вины вследствие пренебрежения своими христианскими обязанностями²⁵.

Отчего же Готорн проводил Воскресный день дома? Причины могут быть различные, и в полноте своей они сокровенны. Мы можем лишь делать предположения на основании высказанных им мыслей на тему религии.

Готорн воспитывался в пуританской семье с религиозными традициями. Позже он вспоминал «невинную веру» своего детства и «доброго седоголового священника», который, по его словам, казался ему «таким же святым на земле, каков он теперь на небесах», и отчасти благодаря которому в последующие годы Готорн «хранил благочестивое уважение ко всему их сословию, хотя с тех пор оно уже не столь незыблемо и непоколебимо» (EN, 7, 44). Готорн не случайно сравнивал свою детскую веру с последующими годами, в которых «сгущались сумерки» («darkening years»). В его письмах студенческих лет понятие религии чаще всего сочетается со словом «скука». Размышляя о своем будущем, Готорн решительно отвергает служение священника. В 1821 г. он пишет своей матери: «О том, чтобы стать священником, не может быть и речи. Я думаю, даже ты не пожелаешь мне избрать такой скучный образ жизни. Нет, мама, не для того я

²⁵ Hawthorne N. Selected Tales and Sketches. San Francisco: Rinehart Press, 1970. P. 419. В дальнейшем все цитаты из очерка «Воскресный день дома» приводятся по этому изданию с указанием в скобках после цитаты только номера страницы.

родился, чтобы вечно прозябать на одном месте, прожить и умереть тихо и спокойно, как... Стоячее Болото» (Letters, 137–138).

Особенно тяготит молодого Готорна студенческая обязанность вставать с восходом солнца на молитву, а по воскресеньям участвовать в общественном богослужении и выслушивать при этом «раскаленные кальвинистские проповеди» из уст мало уважаемого президента колледжа или какого-нибудь другого «торговца огнем и серой» (Letters, 159). Упомянутый очерк «Воскресный день дома» дает характерный образ служителя церкви, запечатлевшийся в сознании Готорна: «Вот идет священник, медленно и торжественно, в суровой простоте, не нуждаясь в черной шелковой сутане для обозначения своего звания. Его вид внушает мне почтение, но не может вызвать любовь. Если бы мне потребовалось изобразить святого Петра, держащего ключи от рая и сурово, без жалости хмуриющегося на несчастных просителей, я бы избрал в качестве природы это лицо. К среднему возрасту или даже раньше, верования обычно запечатлеваются на сердце — или изменяются благодаря ему» (419). В своей жизни Готорн, по видимому, так и не встретил пастыря, сердце которого являло бы истину его верований. Позже в дневнике он запишет (1842): «Я нахожу, что мое уважение к духовным лицам как таковым, и моя вера в полезность их звания уменьшается с каждым днем. Несомненно, что нам нужно новое откровение — новая система, ибо в старой, кажется, не осталось жизни» (AN, 352).

Будучи воспитан в пуританской общине, Готорн впоследствии утратил с ней формальную связь, но значение пуританизма для его жизни и творчества очень велико. Главное, что роднит Готорна с пуританами (и отличает от социалистов, трансценденталистов и либеральных протестантских богословов) — это глубокое переживание греховной поврежденности человека. Но все же более «универсальные» христианские авторы (Баньян, Милтон) были ему духовно ближе, чем пуританские богословы²⁶. «На уровне верований Готорн разделял с пуританами их “правoverие”, — в той мере, в какой они сохраняли связь с церковным преданием; но он отвергал их кальвинизм и его последствия, короче говоря, их “ереси”», — отмечает Х. Уэгонер²⁷.

Отношение Готорна к ранним пуританам-колониатам, к которым восходит его род, было характерно для его «просвещенного» времени: он осуждал их за ханжество, жестокость, мрачность. Характерная двойственность отношения писателя к пуританам хорошо выражена в пассаже из его очерка «Главная улица» (1849): «Возблагодарим же Бога, давшего нам таких предков! И пусть каждое последующее поколение столь же горячо благодарит Всевышнего и за то, что в безостановочном марше веков оно ушло от них еще на шаг вперед»²⁸.

²⁶ В детстве Готорн, по его словам, не расставался с Баньяном, чья аллегорическая новелла «Путь паломника» осталась его любимой книгой на всю жизнь. Эдмунд Спенсер, Милтон, Сэмюэл Джонсон — вот авторы, которые преимущественно повлияли на его становление как писателя и человека, долгое время были его «единственными собеседниками» (EN, 7, 315).

²⁷ *Waggoner H. H. Art and Belief // Hawthorne Centenary Essay / Ed. by R.H. Pearce. Ohio, 1964. P. 176.*

²⁸ Избранное... С. 340.

Тем не менее, в отличие от либерального протестантизма, ранний пуританизм никогда не становится у Готорна объектом сарказма. По его словам, в пуританах, несмотря на их суровость, все же «было что-то теплое и подлинное». Это их непоколебимая вера, твердость и цельность характеров. В очерке «Главная улица» он пишет о ранних поселенцах: «Огонь возродившейся веры зажег в их сердцах светильник, озаривший все вокруг своими лучами...»²⁹. Однако пилигримы не смогли передать этот огонь своим потомкам. «Миновало время, и ... светильник как-то потускнел, утратил большую часть своего неподдельного блеска, и тогда, возможно, стало ясно, какой жестокой, холодной, ограниченной была их вера, какой железной клеткой оказалось то, что они называли Свободой»³⁰.

Несмотря на такое разочарование в «вере отцов», Готорн признавал для себя необходимым сохранить «любые осколки разбитого благоговения (разбитого не в отношении религии, а ее земных учреждений и служителей), которые еще возможно было бы сложить в священный образ» (EN, 7, 44). Он говорил о необходимости появления «нового Апостола» для превращения протестантизма в «нечто положительное» через возвращение в него некоторых «неоценимых преимуществ» традиционного христианства.

Отзывы Готорна о современной религиозности были скептическими, но это не был скепсис отрицателя: он искал и не находил здесь жизни, будь то запыленные пуританские трактаты, найденные в чулане Старой Усадьбы (см.: AN, 338–339), или блестящие проповеди либеральных богословов, или, позже, утомительная театральность англиканского богослужения и бескрылые гомилии каноников в древних соборах Англии (EN, 7, 269, 466). Только некоторые элементы древнего предания, сохранившиеся в Риме (такие, как исповедь), нашли отклик в его душе. Хотя воспитанный в протестантизме Готорн не придавал большого значения внешним формам, будь то в политике или религии (EN, 7, 79), тем не менее он хорошо понял, почему любимому им Сэмюэлу Джонсону (отягощенному виной за допущенную в молодости роковую небрежность по отношению к отцу) много лет спустя потребовалось совершить публичный акт покаяния на рыночной площади в Ютоксетере — эпизод, напоминающий аналогичную сцену в «Алой букве» (EN, 7, 164). Таким образом, Готорн не был «иконоборцем» и непреклонным отрицателем «ритуалов», его взгляд на взаимосвязь внешнего и внутреннего был более уравновешенным, чем у большинства его соотечественников, приверженных протестантской традиции.

Он регулярно читал Библию, считал религиозную веру «самой ценной и священной принадлежностью человека»³¹, жалел, что двери храмов открыты только несколько часов в неделю. Готорну были свойственны религиозное переживание и интуиция. Он неоднократно восхищается готическими соборами в Англии, берет у них «урок бессмертия», одновременно остро переживая свою принад-

²⁹ Избранное... С. 332.

³⁰ Там же.

³¹ «Religious faith is the most valuable and most sacred of human possessions» (The Life of Franklin Pierce // The Complete Works of Nathaniel Hawthorne: in 13 vol. Cambridge, Mass., 1883. Vol. 12. P. 425).

лежность земле — «лучший урок, который собор мог бы дать» (EN, 7, 154; ср.: EN, 7, 585). Он находит, что все живописные изображения Христа «неадекватны и фальшивы», поскольку не в человеческих силах изобразить «такую чистоту и святость» (AN, 498). Он тонко отмечает величие и одновременно дружелюбие и солнечность древнего Вестминстерского аббатства (EN, 7, 307–308, 312) и жалеет, что в пуританских храмах отсутствует колокольный звон (EN, 7, 480). У него вызывает благоговейное чувство беседа с Ли Хантом, благочестие которого вселяет в Готорна уверенность в его благой участи в вечности (EN, 7, 324–325). Но распространенное в его время увлечение спиритизмом внушает Готорну стойкое и неизменное отвращение (EN, 8, 6), как и коммуна сектантов-шейкеров, в жизни которой Готорн ощущает нечто противоестественное и болезненное (AN, 465).

Как человек, Готорн имел христианское, милосердное устройство сердца. Он любил подавать нищим, к которым, по его признанию, испытывал искреннее расположение и сочувствие. Он писал: «В мире столько нужды и страданий, что мы можем смело поверить на слово любому смертному, когда он просит о помощи. Но даже если нас обманут, польза нам самим, происходящая от доброго поступка, стоит гораздо больше, чем тот пустяк, за который мы ее приобретаем. Я думаю, желательно, чтобы таким людям [нищим] позволили бродить по нашей изобильной земле, разбрасывая семена нежности и любви, подобно перелетным птицам, которые переносят семена ценных растений в далекие земли, даже не подозревая об этой своей заслуге» (AN, 353). Способность Готорна сострадать другим отмечала и его жена София (EN, 7, 413). В качестве американского консула в Ливерпуле ему приходилось разрешать конфликты и помогать бедствующим и нуждающимся, и он страдал оттого, что трудно отличить подлинно нуждающихся от мошенников (EN, 8, 69), как и от невозможности подавать *всем* нищим на городских улицах (EN, 7, 340–341, ср. EN, 7, 463). Известен также эпизод посещения Готорном сиротского дома, когда он, поборов отвращение, взял на руки и приласкал больного и безобразного ребенка.

Готорн был счастлив в семейной жизни, и свое переживание семейного счастья выразил в дневнике в форме благодарения Бога. О своем сыне Джулиане он пишет: «Скажу хоть раз без обиняков — он милый, симпатичный малыш и заслуживает всей той любви, какую я только способен дать. Благодарю тебя, Господи! Боже, благослови его! Благослови Фебу, за то, что она мне его подарила! Благослови ее Господи за то, что она лучшая на свете жена и мать! Благослови, Господи, Уну, по которой я так соскучился! Благослови, Господи, Розочку! Благослови, Господи, и меня, ради Фебы и ради всех них! Ни у кого нет такой жены и таких детей. Как бы я хотел быть достойным их!» (AN, 472–473)³². Трудно заподозрить этот голос в неискренности.

Но, повторим, этот религиозный человек не имел религиозных связей. Он сторонился храма, в то время как его «внутренний человек», по словам из очерка «Воскресный день дома», сливал свой голос с хвалебным хором: «О, я должен был пойти в храм!» — восклицает рассказчик (419).

³² Готорн. Двадцать дней с Джулианом и Зайчиком / Пер. с англ. Т. Чернышевой. СПб., 2005. С. 40.

Между тем, в отсутствие связи с общиной, в отрыве от постоянной проповеди догматических истин религиозность неизбежно приобретает субъективный, размытый характер, и критерием истины и святости становится сам человек, его ум и сердце. В очерке «Воскресный день дома» Готорн писал: «Благочестивое сердце может освятить вертеп разбойников, а злое — превратить храм в такой вертеп. Мое сердце, наверно, не имеет ни такой освящающей, ни, я надеюсь, такой сквернящей силы. Достаточно того, что мой внутренний человек постоянно ходит в церковь, хотя телом я сижу дома. Многие, занимая в храме привычные места, забывают дома свои души» (417). Но сидя дома можно расслышать, как это и случается с рассказчиком очерка, лишь невразумительные обрывки церковной проповеди, доносящиеся из храма: «Ломаные и разрозненные фрагменты этой одной речи составят тексты многих поучений, изрекаемых моим Умом и Сердцем — этими пасторами-сорботниками, которые, впрочем, становятся часто спорщиками. Ум претендует на ученость и ставит меня в тупик доктринальными вопросами; Сердце воздействует посредством чувств, и оба, как многие иные проповедники, тратят свои силы без особой пользы. Я, их единственный слушатель, не всегда способен их понять» (420).

Этот образный отрывок очень точно передает положение человека нецерковного, приверженца «религии сердца». То небольшое, что случайно доносится до него из покинутого им храма, дает толчок для самостоятельной работы мысли и чувства, которые и становятся его главными наставниками. Но поскольку эти «учителя» изъясняются не слишком ясно и часто противоречат друг другу и самим себе, задача человека сводится к тому, чтобы разобраться в своем внутреннем мире. Эта задача, по существу невыполнимая при отсутствии внешнего критерия, выдвигает внутренний критерий — опыт.

В упомянутом выше очерке «Воскресный день дома» Готорн отмечает особый характер солнечного света по воскресеньям, который, как ему кажется, отличается от будних дней. Он пишет: «И да буду я всегда отличать его! Некоторые иллюзии, подобно этой, суть тени великих истин. Сомнения могут витать вокруг меня, или может показаться, что они сложили свои зловещие крылья и успокоились, — но пока я воображаю, что земля освящается в Воскресный день и небесный свет сохраняет свою святость, — пока этот благословенный солнечный свет живет во мне, — никогда моя душа не потеряет инстинкта своей веры. Заблудившись, он вернется снова» (416–417).

Приведенные свидетельства, как и некоторые факты биографии Готорна, позволяют заключить, что религиозность писателя имеет скорее эмоционально-интуитивный характер, нежели догматический и институциональный. Оставаясь в русле христианства (в его широком понимании, в отличие от модного унитариянства или тяготеющего к пантеизму американского трансцендентализма), вера Готорна, тем не менее, может быть определена и в терминах «секулярной религии», характерной для романтизма в целом. Здесь понятие священного отождествляется прежде всего с субъективными переживаниями и ощущениями, переносится в область внутреннего мира человека, в область восприятия природы и отношений людей между собой. Понятия благодати, искупления, покаяния, греха, добродетели приобретают здесь не богословское, а психологическое

содержание, как соответствующие переживания отчужденности и единения, страдания и облегчения, любви и ненависти, радости и скорби. Достоверно только то, что поверяется личным опытом: эта формула вынуждает носителей романтического сознания самим определять степень своей удаленности от исторического христианства, основой которого является вера в догматы, хранимые Церковью.

Естественная религиозная одаренность Готорна, его духовная интуиция не позволили ему уйти от христианства так далеко, как это сделали большинство его знаменитых современников-интеллектуалов и литераторов — Р. У. Эмерсон, Г. Торо, Г. Мелвилл. Но эта же одаренность обусловила то напряжение, то внутреннее противоречие, которое существует в жизни и творчестве Готорна между верой в минимальный набор догматических истин (бытие Божие, бессмертие души, грех и добродетель по десяти заповедям) и неизбежной в отрыве от традиционной религиозной общины романтической сакрализацией человеческих чувств, внутреннего мира человека. За этим стоит, как нам кажется, личная драма Готорна — человека, томившегося «духовной жаждой» в «пустыне» Нового Света.

Поняв эту религиозную драму, мы, думается, сможем лучше понять и произведения, вышедшие из-под пера Готорна, своеобразие их содержания и формы.

Ключевые слова: Натаниель Готорн, религия, вера, пуританизм, романтизм, христианство, американская литература.

HAWTHORNE'S RELIGIOUS PLIGHT: BETWEEN DOGMA AND INTUITION

A. AKSENOV

On the basis of Nathaniel Hawthorne's notebooks, letters and other sources the author endeavors to characterize the religious views of the writer and his world outlook, hoping that this can contribute to a more profound and adequate appreciation of his artistic heritage. A significant portion of the material discussed in the article is presented in Russian for the first time. The author arrives at the conclusion that Hawthorne was a deeply religious person, and his religiosity remains generally in keeping with traditional Christianity. But Hawthorne in his mature years never belonged to a religious community, and his faith is therefore emotional and intuitive, rather than dogmatic and institutional by nature. Hawthorne's faith, while staying within the bounds of Christian orthodoxy (in its broadest sense, as opposed to his mother's anti-Trinitarian Unitarianism or pantheistic American transcendentalism of his intellectual circle), — can also be defined in terms of «secular religion» characteristic of romanticism in general. Here the concept of the sacred is identified with subjective human perceptions and emotions. This sets the

tension in Hawthorne's life and work between his faith in the minimal set of dogmatic truths and romantic sacralization of human emotion.

Keywords: Nathaniel Hawthorne, religion, faith, Puritanism, Romanticism, Christianity, American literature.

Список литературы

1. *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1982.
2. *Готорн Н.* Чертог фантазии. Новеллы. М.: Текст, 1998.
3. *Готорн Н.* Двадцать дней с Джулианом и Зайчиком / Пер. с англ. Т. Чернышевой. СПб.: Кирцидели, 2005.
4. *Мелвилл Г.* Готорн и его «Мхи Старой усадьбы» // Эстетика американского романтизма / Сост. А. Н. Николукин. М., 1977.
5. *Hawthorne N.* The American Notebooks / Ed. C. M. Simpson. The Centenary Edition. Ohio, 1972.
6. *Hawthorne N.* Our Old Home and English Note-Books // The Works of Nathaniel Hawthorne, in 15 volumes. Vol. 7. 1855.
7. *Hawthorne N.* The Letters, 1813–1843 / Ed. Th. Woodson et al. The Centenary Edition of the Works of Nathaniel Hawthorne. Vol. 15. Ohio, 1984.
8. *Hawthorne N.* Selected Tales and Sketches. San Francisco: Rinehart Press, 1970.
9. *The Life of Franklin Pierce* // The Complete Works of Nathaniel Hawthorne: in 13 vol. Cambridge, Mass., 1883. Vol. 12.
10. *Waggoner H. H.* Art and Belief // Hawthorne Centenary Essays / Ed. by R. H. Pearce. Ohio State University Press, 1964.